

Начало рода

Повелением государя всея Руси царя и великого князя Ивана Васильевича в 1553 году был построен город Шацк - крайний восточный пункт системы оборонительной засечной черты Московского государства. Задачей населивших его стрельцов, пушкарей и казаков было «удержание татарских набегов».

Так появилась реальная точка отсчета человеческих жизней и судеб наших предков. Постепенно земли Шацкой провинции раздавались дворянам, военнослужилым людям, монастырям.

Правобережье реки Цны покрыто большими лесами, озерами, болотами, являвшимися надежной естественной защитой от татарских набегов. Шацкие земли представляли собой обширные лесостепные территории.

Поэтому здесь не строились сторожевые посты и заставы, а охрана осуществлялась пешими дозорами и конными разъездами силами местного населения, жившего по берегам Цны и других рек.

Так что изначальной и первичной задачей жизни наших предков была защита государства Российского от внешней угрозы. Эта задача - защита Родины - выполнялась во все века и всеми поколениями рода Чурочкиных. Государство Российское постепенно расширялось, внешняя угроза государству для жителей шацкой провинции миновала. И они постепенно превратились в крестьян-землепашцев. А уж потом бывших защитников Родины закабалили в крепостную зависимость. (В российской истории такое случалось не раз.)

Когда перестала существовать угроза татаро-ногайских набегов, окрестные шацкие земли стали раздавать высшим чинам Российской империи. Владельцами большого количества шацких земель стали родственники российского императора Петра I - Нарышкины. Усадьба (поместье) их находилась в селе Борки, в 10 верстах от Шацка.

В книге Г.А. Мельничука «Историко-статистическое описание села Кермись Шацкого района Рязанской области (бывшей Тамбовской губернии) в конце XVIII - начале XX в.в.» (Под редакцией С.О. Шмидта и Л.Л. Деминой, М.: Археографический центр, 1998. - 180 с.) автор отмечает, что с 1780-х годов помещиками Нарышкиными было принято решение о дальнейшем освоении лесистых земель правобережья реки Цны и основании нового поселения.

В глухом лесном kraю на берегу небольшой речки Керемса выросла деревня и была названа по имени этой лесной речки. Деревню Керемса господа Нарышкины решили сделать своей центральной усадьбой в этой части Шацкого уезда.

Начало рода

Впервые на карте географическая точка «Кермись» (деревня Керемсы) отмечена 1790 годом. Строителями и первыми жителями новой деревни стали переселенцы из владений Нарышкиных в селах Борки, Конобеево и Ялтуново.

Переселяли по жребию, а кого и в наказание за какуюнибудь вину. Первый полный списочный состав жителей села Кермись обнаружен Г.А. Мельничуком в ревизской сказке деревни Керемсы за 1816 год. Тогда в Кермиси было 210 мужчин и 251 женщина. Жили они в 64 домах. Среди 33-х кермисинских крестьянских фамилий за 1816 год есть и Чурочкины. Ревизская сказка 1811 года села Конобеева (лесной стороны) утверждает, что первых Чурочкиных переселили из Конобеева в Керемсу в 1797 году.

Ревизские сказки деревни Керемсы за 1816, 1834 и 1857 годы, а также описание имущества С.К. Нарышкина за 1850 год явились исходным материалом для поиска сведений по родословной крепостных крестьян Чурочкиных.

Первым из кермисинских Чурочкиных был Матвей Ильич (1762-1812) с женой Афимьей Федоровной (1758-?) и двумя детьми - Аверьяном (1784-1866) и Никифором (1793-год смерти неизвестен). Матвей Ильич был вторым из четырех сыновей своих родителей: Федор (~1758-1811), Матвей (1762-1812), Семен (1764-?) и Алексей (даты рождения и смерти неизвестны). Исходя из года рождения Федора - самого старшего из детей Ильи Чурочкина и учитывая примерный минимальный детородный возраст 18 лет, можно предположить, что родоначальник Чурочкиных - Илья родился не позднее 1740 года.

Дальнейшая судьба и дата смерти первого из известных на сегодняшний день родоначальника Чурочкиных пока неизвестны. По жребию или за провинность переселена из Конобеева семья одного из сыновей Ильи Чурочкина - нам тоже пока неизвестно. Но известно, что связи с оставшимися в Конобееве родственниками и бывшими односельчанами не прекращались. Это подтверждается браками кермисинских Чурочкиных с конобеевскими жителями.

На время ревизской сказки (переписи крепостных) за 1816 год в Кермиси проживала одна семья Чурочкиных. Ее главой был старший сын Матвея - Аверьян (32 года).

Его отец умер в 1812 году, а младшего брата - Никифора с 1813 года забрали в рекрутчики. Поэтому не исключается участие первых кермисинских Чурочкиных и в Отечественной войне 1812-1814 гг. К этому времени Никифору исполнилось 20 лет, и у него

НАЧАЛО РОДА

уже было двое детей. Жена неизвестна, а дети Гаврил (1811) и Иван (1813) жили и воспитывались в семье дяди Аверьяна.

Через 18 лет, в 1834 году в Кермиси было уже 2 семьи Чурочкиных. Во главе одной из них был еще не совсем старый Аверьян Матвеевич (50 лет) со старушкой матерью и двумя взрослыми сыновьями Казьмой и Константином с их женами и детьми.

Другая семья Чурочкиных – это дети рекрута^{*} Никифора – Гаврил и Иван, выросшие без отца, повзрослевшие, оба с женами, а у старшего уже дочь – Василиса.

Любопытная подробность: в четвертом поколении Чурочкиных (дети Аверьяна и Никифора) из четырех мужчин трое женаты по второму разу (Казьма, Гаврил, Иван).

Прошло еще 16 лет. Здесь мы воспользуемся сведениями из описи имущества С.К. Нарышкина на 1.01.1850 г., любезно предоставленными автору этой книги Г.А. Мельничуком и лишь немногого подработанными для удобочитаемости.

В 1850 году в деревне Керемса проживали две родственные семьи Чурочкиных. Первая включала в себя четыре поколения и состояла из 14 человек.

Старший в роде и в семье – прадед Аверьян Матвеевич со второй женой Татьяной, двумя взрослыми детьми – Казьмой и Константином с их женами, детьми и внуками. У старшего сына Казьмы (46 лет) двое детей от первой жены (Марье 20 лет, Вере 11 лет) и двое малолетних детей от второй жены Феклы (Федору 3,5 года, Ивану 1,5 года).

Младший сын Аверьяна Матвеевича – Константин уже дедушка, хотя ему и жене Авдотье только по 40 лет. У их сына Якова (21 год) и жены Александры (24 года) уже две дочки – Поля (2 года) и Ирина (1,5 года). Итак, семья из 14 человек состояла из двух престарелых родителей, семерых трудоспособных мужчин и женщин, одного подростка и четверых малолетних детей.

Жила семья в трех избах, имела 2 амбара и 1 погребец. В предыдущем году ими был собран урожай: 40 копен ржи, 30 копен овса, 5 мер гороха (около 250 кг), семян конопли 4 четверти (меры?).

Из живности – 5 лошадей, 4 жеребенка, 1 бык, 3 коровы, 2 теленка, 20 овец, 2 свиньи, пчельник на 7 ульев (в то время только в 8 хозяйствах деревни были ульи с пчелами), да 19 кур.

Обычная трудовая крестьянская семья. Работы и заботы хватало всем. Однако если условно перенести все это хозяйство, всю живность на 30-е годы советского времени, эта семья явно тянула на раскулачивание.

Но в то время у Чурочкиных было веское алиби, они были крепостными крестьянами и со всеми своими пожитками и добром принадлежали дворянину, штабс-ротмистру помещику Сергею Кирил-

Начало рода

ловичу Нарышкину, а в конце эпохи крепостного права - его родственнику, правнуку великого русского полководца А.В. Суворова помещику Александру Дмитриевичу Башмакову.

Вторая семья Чурочкиных поменьше - всего 8 человек: 2 поколения, отцы и дети. Вместе жили одним хозяйством два брата Иван да Гаврил Никифоровичи, оба со вторыми женами. Старшему Гаврилу 37,5 лет, младшему Ивану 36 лет. Их жены Наталья да Авдотья моложе своих мужей на десяток лет каждая.

У Гаврила от первой жены Анны трое детей: Ермолай, Праксевья и Гриша. А Наталья уже на сносях - скоро появится Петр. Иван женился на женщине с ребенком. Падчерице Варваре 5 лет, а Авдотья снова беременна - скоро будет их дочь Васса (Василиса).

Жили братья в двух избах, на двоих был один амбар. Урожай прошедшего года - ржи 20 копен, овса 10 копен, гороха 2 четверти, гречихи 1 четверть, проса 6 копен, семян конопли 2 четверти. Из скота - 3 лошади, 2 коровы, 1 теленок, 10 овец, 10 кур.

И, наконец, последний документ эпохи крепостного права - ревизская сказка 1857 года. В деревне Керемса живут три семьи Чурочкиных.

Первая - семья Казьмы Аверьяновича Чурочкина со второй женой Феклой Федоровной и двумя малолетними детьми от нее (Федору 10,5 лет, Ивану 8,5 лет). Всего в семье 4 человека.

Престарелый Аверьян Матвеевич (73 года) живет в семье младшего сына Константина с его детьми и внуками. Всего в семье 12 человек, из них 7 детей от 2 месяцев родом до 14,5 лет.

Третья - это дружная семья двух Никифоровых сыновей - Гаврила (45,5 лет) и Ивана (44 года). С ними их жены, дети и внуки. В семье 11 человек, из них 5 детей и подростков до 13 лет.

Таким образом, примерно за 70 лет от заселения Кермиси крепостными крестьянами и до ликвидации крепостного права в 1861 году число кермисинских Чурочкиных увеличилось с 10 человек в 1816 году до 27 человек в 1857 году, т.е. примерно втрое.

Ну как тут не вспомнить Салтыкова-Щедрина с его сказкой «Дикий помещик»: отроившийся рой мужиков в губернском городе обрали, изловили и отправили в уезд. И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидев такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул: «И откуда вы, шельмы, берете!!»

Начало рода

Ревизские сказки (переписи крепостных крестьян) явились прекрасным материалом для создания скелета родословного древа. Но с ликвидацией крепостного права их не стало.

Возникла необходимость в поиске метрических документов на Чурочкиных в Рязанском государственном архиве. Частично такая работа уже проведена в 1999-2000 годах при огромной помощи и прямом участии Геннадия Анатольевича Мельничука. Вместе с ним мы листали пыльные фолианты полуторавековой давности, разбирали премудрости рукописных записей о рождениях, браках и смертях Чурочкиных, Косицыных, Плетневых, Харитоновых, Мохначевых...

В результате родословное древо постепенно обрастало ветвями, листвой (новыми именами, датами). Были просмотрены метрические книги Шацкого уезда Тамбовской духовной консистории за 1851-1907 годы (в девятнадцатом веке Шацкий уезд входил в состав Тамбовской губернии). Проявлялись новые детали, уточнялись даты, выявлялись любопытные факты.

Приятно было находить документы на уже знакомых людей из старших поколений. К настоящему времени (апрель 2003 года) известны представители 11 поколений Чурочкиных. Автор этих строк принадлежит к девятому из них.

Особенно радостны находки сведений на своих ближайших родственников, выяснение их давно забытых родственных отношений.

Мой отец Григорий Кузьмич (1920-1985) никогда не видел и не знал своего отца, Кузьму Михайловича Чурочкина, который пропал в годы гражданской войны. Как вспоминает моя мать - Анастасия Алексеевна, Кузьма умер от голода или тифа после 1920 года в городе Карабово Брянской области.

Маленьким мальчиком я подолгу жил в семье своего прадеда Михаила Яковлевича (шестое поколение Чурочкиных), всегда считая его своим дедушкой, и мне дороги архивные метрические записи о его рождении, женитьбе на девице Прасковье Михайловне Ступиной, рождении их детей, то есть и моего деда тоже.

Моя мать (в девичестве Косицына) попросила меня найти такие же сведения и на своих предков - Косицыных. В целом это сделано. Одновременно с поисками Чурочкиных велись поиски сведений по материнской линии моих родителей. В будущем исследователям крестьянского рода Косицыных не придется начинать поиски от нуля.

Войны и революции даже не граблями - железной метлой вычистили мое родное село Кермись и его коренных жителей Чурочкиных (и другие фамилии тоже). Различные перестройки государства в мирное время еще убавили жителей, и сейчас население Кермиси впятеро меньше, чем в 1912 году.

Конечно, это затрудняет дальнейшие поиски сведений по родословной моих предков, но не останавливает их. Уже получен-

Начало рода

ные сведения пока не претендуют на серьезный анализ, но приводят к размышлениям.

Впереди поиск Чурочкиных - участников войн, защитников Отечества, женщин рода Чурочкиных, поиск по профессиям, по образованию. В общем, поиск продолжается...

Чурочкины о своей фамилии

Фамилия как фамилия, вовсе не героическая, а обычная, чисто предметная, чисто деревянная. Звучит немножечко уменьшительно, немножко ласково, соответствует фактуре материала и очень гармонирует с окружающей природой. Конечно, не такая знаменитая, как, например, Ивановы, но и нас таких в России и за ее границами (ближними, естественно) не одна тысяча.

В Москве согласно телефонному справочнику 1998 года на Чурочкиных приходится 22 телефонных номера. В Нижнем Новгороде, не считая автора книги и семьи его брата Николая, - 10 номеров.

Наши недоброжелатели (если мы живем, значит, они есть) говорят, что мы деревянные по разуму, по юмору и, главное, по кошельку. Ну не получается у Чурочкиных, чтобы их кошелек рос с опережением инфляции. Просто какой-то деревянный он, кошелек этот самый, никак не круглится.

Признаем как факт эту голую правду. До сих пор не вышло из Чурочкиных ни политиков выше деревенского масштаба, ни ученых, ни выдающихся экономистов. Правда, обнаружено два кадровых военных. Один - времен крепостного права, унтер-офицер. Другой - на стыке развали Советского Союза и создания новой России. Тоже унтер-офицер, только по роду войск называется немножко по-другому, старший мичман. Но по форме и по сути одно и то же. В общем, за полторы сотни лет и у Чурочкиных-военных особого роста в звании и должности тоже нет.

Но и у Чурочкиных веские доводы в защиту своего бытия.

Во-первых, они свято исполняют Божью Заповедь «плодитесь и размножайтесь». Причем у них это получается не хуже, чем у других.

Во-вторых, не было еще в роду Чурочкиных бомжей: чувство собственного достоинства (недоброжелатели называли это «много гонору у них») не позволяло «ходить по миру», а фамилия обязывала иметь свой дом, да еще и уметь сделать его для других.

В-третьих, живущие сейчас старшие (восьмое и девятое поколения) Чурочкины сделали выводы, и их дети и внуки в массе своей стали получать высшее образование. Хоть мы и «деревянные», но учимся идти в ногу с жизнью.

В-четвертых, защищать свою большую Родину можно и в рядовых чинах, что Чурочкины с честью выполняли во всех поколениях.

В-пятых и в-шестых, и т.д., можно привести сколь угодно много доводов в пользу превосходства своей фамилии и образа жизни, но из-за своей природной скромности мы себе этого не позволим.

Вот мы сейчас говорим: Чурочкины да Чурочкины. А почему, собственно говоря, Чурочкины - то? Да все из их образа жизни. Деревня, лес, все делается из дерева, все стоит на земле и по-

крыто деревом. Большинство сельского населения всю жизнь имеет дело с деревом, землей, скотом.

Здесь я сошлюсь на Г.А. Мельничука. В своей неопубликованной статье «Были мы товарищи, стали господа» (в частности, о происхождении основных и «уличных» кермисинских фамилий) он прямо упоминает среди других и о нас: «Чурочкины (обрубок дерева) - были дровосеки».

Однако есть версия о более древних истоках нашей фамилии. Сразу оговорюсь и напомню: речь идет не о носителях ее, а происхождении самой фамилии. В книге доктора философских наук В.Н. Демина «Тайны русского народа», М., «Вече», 2000 г. (к сожалению, в выходных данных ничего нет об авторе, даже имени-отчества) тоже есть о Чурбаках - обрубках стволов дерева. Только время на несколько тысяч лет ранее, и функциональное значение слова несколько иное.

Эти чурбаки были межевыми и дорожными знаками, и ими обозначались границы племенных и родовых владений. В первобытном сознании славяно-россов они получали магическое и запретительное значение и кратко именовались «чурами». Отсюда заклинания «Чур», «Чур, меня!», «Чур, не я!», «Чур, пополам!», «Чур, одному - не давать никому!», «Чур, вместе!».

В этих и других заклинаниях В.Н. Демин фиксирует бессознательную веру древних в «охранительную силу и заступничество со стороны исчезнувшего Божества - символа меры и справедливого дележа... Здесь уже явственно проступает имя того, в ком видели гаранта справедливого раздела находки, добычи и т.п. Имя этого древнего языческого Божества - ЧУР, и оно является одним из русифицированных прозваний эллинского бога Гермеса» (в кавычках - текст из книги).

(Примечание автора: вообще-то нынешних Чурочкиных это мало интересует, их более заботит сегодняшний день: добыча хлеба наущенного да потребность в умножении своего рода.)

Я склонен согласиться с выводами из статьи Т.А. Лисицыной из Великого Новгорода в том, что «фамилия в измененном виде несет в себе возвращение к языческим истокам, так как в ней - прозвище (вытесненное языческое имя), повернутое к конкретно-практическому быту, и одновременно (через ряд фамильных преобразований) приближается к обозначению родовой принадлежности в рамках трех поколений. Обозначая себя русским именем, человек стремится закрепить свою целостность, выразить пределы своего существования, дать свой идеальный всесторонний образ, в котором общее органично связано личным: **имя** - индивид, **отчество** - семья, **фамилия** - род (конец цитаты)». Т.А. Лисицына. Происхождение русского имени // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й Российской научно-практической конференции (Орел, декабрь 2001) / Отв. редакторы А.В.Петриков, З.В.Рубцова - Вып.2. - М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. - С. 213-215.

Нашу фамилию мы получили еще в XVIII веке. Ревизская сказка 1811 года села Конобеева, лесной стороны, упоминает Илью Чурочкина, который родился, по косвенным подсчетам, около 1740 года. Причем он был не единственным представителем этой фамилии в Конобееве.

Тот же Г.А. Мельничук в своем историко-статистическом описании села Кермись (1998, с. 83, 86-87) отмечает наличие в 1882 году в Кермиси 5 бондарей, 12 дроворубов, 19 пильщиков, 3 столяров, 1 дегтярника (деготь гнали из бересты), 1 угольщика (жгли древесный уголь) и 427 плотников.

Обратите внимание – среди жителей Кермиси плотников в 11 раз больше, чем всех остальных представителей профессий, связанных с деревом. (Чурочкины здесь тоже, как могли, оправдывали фамилию.) Второй, после обработки и переработки дерева, кермисинской профессией (не связанной с обработкой земли) была профессия овчинника – 322 человека.

И еще оттуда: до первой мировой войны в Кермиси был распространен отхожий промысел. Например, за пять лет с 1907 по 1912 год из 1100 кермисинских мужчин 750 человек брали отпускные билеты и уезжали на заработки. Естественно, большинство из уезжавших были плотники и другие специалисты по дереву.

Я не говорю, что если это плотники, то только Чурочкины. Мой тесть Павел Федорович Мохначев (тоже коренная кермисинская фамилия) рассказывал, как он в 1923 году плотничал под Москвой в составе кермисинской строительной артели: строили теплицы в тепличном хозяйстве Горок Ленинских. Ленина, правда, не видели, но Чурочкины в их артели тоже были.

Автор в детстве имел возможность пользоваться полным набором плотницко-столярно-бондарных инструментов, имевшихся в родительском доме, иногда, правда, с последствиями от родителя, за все затупленное и зазубренное. Но вся отцовская наука работы с деревом пошла автору на пользу и очень пригодилась в жизни. Однако это уже другая история.

Здесь же важно то, что Чурочкины были своими в окружающей их среде и в этой среде были равными среди равных.

* * * * *